

Ю. С. Шулякина

**Семантическое поле «Отрицательные черты характера человека»
(на материале говоров Ивановской области)**

Статья посвящена анализу современной лексики говоров Ивановской области, образующей семантическое поле «Отрицательные качества (черты характера) человека». Наблюдения над функционированием лексики в исследуемых говорах убеждают в общей динамике развития диалектной системы, заключающейся в стирании ярких диалектных различий и постепенном формировании новой формы народной разговорной речи – сельского просторечия.

Ключевые слова: диалектная лексикология и лексикография, современная лексика русских народных говоров и русское просторечие, отрицательные качества (черты характера) человека, менталитет и нравственные ориентиры русской духовности.

Ju. S. Shuliakina

**Semantic Field "Negative Features of the Person's Character"
(Based On The Dialects Of The Ivanovo Region)**

The article is devoted to the analysis of modern lexicon of the Ivanovo region dialects which is forming a semantic field "Negative qualities (features of character) of the person". Supervision over lexicon functioning in studied dialects confirms the general dynamics of the dialect system development which consists in deleting of bright dialect distinctions and gradual formation of a new form of folk informal conversation – rural popular speech.

Keywords: dialect lexicology and lexicography, modern lexicon of Russian national dialects and Russian popular speech, negative qualities (features of character) of the person, mentality and moral reference points of Russian spirituality.

Без глубокого всестороннего знания лексики народных говоров наше представление об облике русского человека, о его национальном характере оказалось бы существенно обедненным, ибо вся многообразная материальная и духовная жизнь народа находит то или иное отражение в диалектной лексике. «Народный живой язык, – справедливо отмечает В. М. Мокиенко, – очень живо и оперативно реагирует на отрицательные стороны общественной жизни, на отрицательные качества людей или целых общественных групп, на отрицательные действия и поступки. К положительным же явлениям жизни народная речь относится более спокойно: ведь это норма, обыденность...» [Мокиенко 2005: 48]. Этот факт определяет исключительное богатство и разнообразие лексики, обозначающей отрицательные качества человека в народных говорах, в том числе и в Ивановской области.

Материалом для анализа послужили данные словарной картотеки «Человек», которая хранится на кафедре общего и славянского языкознания Ивановского государственного университета и отражает современное словоупотребление и лексический состав ивановских говоров второй половины XX – начала XXI в., в сравнении с данными Словаря рус-

ских народных говоров (СРНГ), Ярославского областного словаря (ЯОС). Для настоящего исследования принципиально важной является позиция системного подхода к отбору и исследованию материала, исключая дифференциальный принцип и предполагающая равноправие всех языковых фактов, независимо от их общности с общерусским просторечием и литературным языком. Такой подход характерен для многих весьма авторитетных работ в области диалектологии и лингвгеографии, он составляет теоретическую основу «Лексического атласа русских народных говоров».

Рассмотрим с этих позиций лексический состав обозначений отрицательных качеств человека и их оценку в социуме: скупость, жадность, легкомыслие, гордость и зазнайство.

Проявление скупости всегда вызывало резкую отрицательную оценку русского народа, о чем свидетельствуют пословицы: *У скупого и в Крещение льду не выпросишь; Что скупому в руки попало, то и пропало; Скупому душа дешевле гроша; Скупому человеку убавит Бог веку; Скряге деньги, что собаке сено* [Даль Пословицы русского народа 1: 103–105]. В связи с этим актуальным для диалектоносителей является обозначение жадного человека, что прояв-

ляется в исключительной частотности наименований, лексическая семантика которых включает компоненты ‘жадный’, ‘скупой’, ‘чрезмерно бережливый’: **домовитый, жадёмба, жаднуций, жадюга, жидогба, жмот, жогркий, зажгимистый, игдол, крохобогр (крохобогрка), куркуль, сквалыга, скряга, скупердяй (скупердяйка), ужгимистый.**

Из названных слов, употребляющихся с неодобрительным оттенком, в других говорах (ярославских, владимирских, тверских, калужских, курских) получило распространение слово общего рода *жадёмба*, ср.: *Разделились мы, а свёкр-жадёмба тёлку не дал нам; Эта бабка такая жадёмба* [ЯОС 4: 39]; *Жадёмба! – говорят о скряге: серед зимы и льду не выпросишь*. Курск. [СРНГ 9: 57]. В просторечии и говорах бытуют и другие суффиксальные образования общего рода от основы данного прилагательного, характеризующие скупого, жадного, ненасытного человека: *жатдина* и *жадюга* с пометой *прост.* [МАС 1: 469], *жатда* (Тул., Орл.), *жадёмна* (Краснояр., Енис.), *жатдица* (Пск.), *жаднуха* (Свердл.), *жаднуха* (Твер., Пск., Урал.), *жаднюга* (Урал.) с пометой «экспрессивное», *жадобитна* (Влад.), *жадуха* (Урал.), *жадюга* (Ворон., Урал.) [СРНГ 9: 57–60], *жадюга* с пометой *неодобр.* [ЯОС 4: 39]. Наши материалы содержат и диалектное слово **жаднуций**, образованное с помощью суффикса *-уц-* от прилагательного *жадный*, ср.: *Ирка-то, вообще-то она жаднущая всё-таки; И что ты жаднуций какой? Нельзя так... Он же твой братик, дай и ему маленько поиграть* (Шуйский р-н, п. Колобово).

Прилагательное *скупой* стало производящим для просторечного оценочного существительного **скупердяй (скупердяйка)** ‘скупой человек’ [МАС 4: 125], широко распространенного в анализируемых говорах (Родниковский, Южский, Вичугский, Шуйский р-ны), ср.: *Если человек жадный, то его скупердяем называют* (Вичугский р-н, г. Вичуга); *Не будь скупердяем-то уж... Дай, раз просит* (Шуйский р-н, п. Колобово). Следует заметить, что в говорах слово *скупердяйка* не только отрицательно оценивает жадного человека, но и употребляется по отношению к завистливой женщине (Новг.) [СРНГ 38: 188].

В наименованиях **жмот, сквалыга, скряга** актуализируется дополнительная сема ‘чрезвычайно скупой человек’, ср.: *Вот жмот, снега зимой не выпросишь* (Родниковский р-н, п. Каминский); *Парень много запросил денег, прямо сквалыга какой-то* (Тейковский р-н, г. Тейково); *Эка скряга, подумай-ка* (Шуйский р-н, п. Колобово); *У, скряга, чтоб те-*

бе... – Ларис, ты на кого такая сердитая? – Да вон Филиппович опять сено зажал (Юрьевецкий р-н, д. Щекотиха). Интересно, что в говорах Забайкалья лексема *жмот* является наименованием богатого крестьянина-собственника, кулака [СРНГ 9: 206], а ярославским говорам известен глагол *жмотить* в значении ‘жалеть что-либо, не давать’, ср.: *Да жмотит он, не проси у него больше ничего* [ЯОС 4: 49]. По данным СРНГ и ЯОС, слова *сквалыга* и *скряга*, помимо указанного значения, номинируют неуживчивого, вздорного, сердитого человека, скандалиста [СРНГ 38: 168; ЯОС 9: 35].

Лексема общего рода **жидогба** (Лухский р-н, д. Слободки), называющая скупца, восходит к разговорному слову *жид* ‘презрительное, бранное название еврея’ с пометой *груб. прост.* [МАС 1: 483] и расхожему стереотипу о жадности евреев, ср.: у В. И. Даля – ‘скупой, скряга, корыстный скупец’ (*Живи, что брать, а торгуйся как жид*) [Даль 1: 688].

В Шуйском районе отмечено слово **игдол**, совмещающее в структуре своего лексического значения семы ‘жадный’ и ‘бестолковый или бесчувственный’ [МАС 1: 631], ср.: *У него, идола, снегу зимой не выпросишь, не то, что другого чего* (Шуйский р-н, п. Колобово). Возможно, данное наименование связано с бытующим во владимирских говорах глаголом *идольничать* ‘жадничать’, ср.: *Не знаю чего идольничает*. Влад. [СРНГ 12: 77].

Скупого человека, собирающего всякую мелочь, в говорах Лухского района характеризуют словом **крохобогр (крохобогрка)**, мотивированным диалектным глаголом *крохобогреть* ‘скупиться, быть мелочно экономным’ Пск., Твер. [СРНГ 15: 286]. Вологодским и ярославским говорам известен дериват с корнем *крохобор-*, называющий мелочного, скупого человека: *крохобогрник*, ср.: *Как бы не такой крохобогрник был, так может и купил бы для сынишка игрушку*. Волог. [СРНГ 15: 286]; *Ничего не даст, такой крохобогрник* [ЯОС 5: 93].

Диалектное прилагательное **жогркий** в народной речи известно в значениях: ‘жадный’ – ивановские, челябинские говоры, ср.: *А парень молодой, только жоркий* (Тейковский р-н, г. Тейково); ‘прожорливый; неприхотливый в еде’ – владимирские, костромские, вологодские, пермские, свердловские, челябинские говоры [СРНГ 9: 216]. Мотивирующим для данного прилагательного является глагол *жрать*, на базе этого значения и происходит дальнейшее семантическое развитие слова.

В меньшей степени с оттенком неодобрения в ивановских говорах употребляются такие прилагательные, как **домовитый** (ср.: в литературном языке – ‘заботящийся о своем доме, хозяйстве, матери-

альном благополучии; хозяйственный’ [МАС 1: 426]), **зажимистый, ужимистый** ‘избегающий трат, издержек; скупой’, ср.: *А как бы Вы назвали скупого человека? – Жадный, домовитый* (Родниковский р-н, д. Бердюково); *Надо же, такие молодые люди, а такие ужимистые* (Тейковский р-н, г. Тейково).

Беззаботного, легкомысленного, непостоянного человека в говорах Ивановской области характеризуют как общенародные слова **беззаботный легкомысленный, пустой** ‘, ср.: *И что за люди, беззаботные каки-то! Они думают, баушки-то да матеря вечно проживут* (Шуйский р-н, п. Колобово); *Легкомысленная она какая-то у них выросла: всё одни гулянки на уме* (Родниковский р-н, п. Каминский); *Беззаботного человека мы называем пустой человек* (Тейковский р-н, г. Тейково), так и диалектные: **запологинный, распологинный, хабагика**.

Для однокоренных синонимов **запологинный и распологинный**, различающихся префиксами, характерен общий семантический компонент ‘легкомысленный, непостоянный, несерьезный, ветреный’, ср.: *Какой же всё-таки Семён запологинный, представь только, опять всю зарплату прогулял и жить не на что* (Юрьевецкий р-н, д. Щекотиха); *Мы все расположные маленькие* (Фурмановский р-н, г. Фурманов). В указанном значении лексема **запологинный** также известна сибирским, томским говорам в значениях ‘взбалмошный, сумасбродный’, а в значениях ‘склонный к ссорам, вздорный’, ‘суевливый, беспокойный; вносящий переполох’ – сибирским, тюменским, свердловским говорам [СРНГ 10: 340]. По своему происхождению рассматриваемые лексемы могут быть связаны с глаголом *положить* ‘тревожить, мутить, смущать, беспокоить, волновать, пугать, подымать и возбуждать, нарушать покой’ [Даль 3: 339] и существительными: укр. *полох* «страх», *полюх* «ужас», блр. *полюх* «испуг», русск. -цслав. *плахъ* «страх» [Фасмер 3: 317].

В Шуйском районе в качестве оценочного зафиксировано слово **хабагика** ‘легкомысленная женщина’, ср.: *Эта день целый хохочет, как хабагика* (Шуйский р-н, п. Колобово), являющееся фонетическим вариантом лексемы *хабалка*, обозначающей в ярославских говорах наглу, бесстыдную женщину, ср.: *Я ещё таких хабалок не привидывал* [ЯОС 10: 29].

Проявление гордости, зазнайства всегда вызывает резкую отрицательную оценку русского народа, ср.: *Гордым быть, глупым слыть; Спесивый высоко мостится (летает), да низко ложится (садится); Гордому кошка на грудь не вскочит; Чванство не*

ум, а недоумье [Даль Пословицы русского народа 2: 287], поэтому лексические единицы, отражающие эти черты характера человека, весьма частотны в рассматриваемых говорах: **важжный, воображагистый, воображугн, гогрдый, гордегн, гордугн, гордягк, додогн, зазнагн, зазнагика, заногсчивый, игдол, кочевряга, кошка на грудь не прыгнет, петушигистый, рылягистый, фараогника, чванлигвый, чвановигтый**. Большинство из них произошло либо от глаголов, либо от прилагательных.

Например, прилагательное **гогрдый** ‘считающий себя выше, лучше других и с пренебрежением относящийся к другим; заносчивый, высокомерный’ является производящим как для общенародного оценочного существительного **гордегн** ‘заносчивый, высокомерный человек’ [МАС 1: 332], так и для бытующих в ивановских говорах словообразовательных синонимов **гордугн, гордягк**, ср.: *Была я тоже с зубами, гордая такая, неглупая* (Родниковский р-н, с. Никульское); *Лёшка-то гордец, да? – Ещё какой* (Юрьевецкий р-н, д. Щекотиха); *Сейчас все молодые такие невежи стали, но мы видали таких гордунов* (Тейковский р-н, г. Тейково). Также в указанном значении лексема **гордун** известна курским говорам [СРНГ 7: 29], в то время как диалектное слово **гордяк**, по нашим данным, употребляется на территории Ивановской области (Южский р-н, г. Южа). Многочисленные наименования с корнем **горд-** в русских говорах свидетельствуют о резком осуждении, порицании в народной среде гордого, заносчивого человека: **гордагн** (Костром.), **гордагн** (Иван.-Вознес.), **гордегн** (**гордегика**) (Ворон., Курск.), **гордэгна** (Арх., Твер.), **гордэгна** (Пск., Твер.), **гордэгника** (Казан.), **гордигн** (Онеж.), **гордигника** (Смол.), **гордиягн** (Орл., Нижегород., Костром.), **гордыня** (Том.), **гордягн** (Ворон.), **гордягника** (Даль) [СРНГ 7: 26–30].

Целый ряд лексических единиц, называющих в ивановских говорах горделивого, спесивого человека, мотивируется глаголами, свойственными разговорной речи: родственные слова **воображугн, воображагистый** – **воображать**, ср.: *Воображу он хороший, о себе большого мнения* (Родниковский р-н, п. Каминский); **зазнагн** (ивановские, нижегородские, владимирские, костромские, ярославские говоры [СРНГ 10: 94; ЯОС 4: 72]) – **зазнагаться**, ср.: *Я всё Шурочка да Шурка, Шурка вон какой зазнаг, Шурочка другую любит, А меня-то как же жаль* (из фондов Историко-краеведческого музея г. Юрьевца); *Он зазнался больно теперь. Как зазнайка, носверху, а морду в сторону, и не глядит, не признаётся* (Шуйский р-н, п. Колобово); прилагательные

заносчивый – занестись ‘заячься, загордиться’, **петушистый** – петушиться ‘вести себя задиристо, запальчиво, как петух’, ср.: *Некоторые из молодёжи такие заносчивые, что даже не здороваются* (Тейковский р-н, г. Тейково); *Скоро к нам командир пришёл, петушистый такой* (Фурмановский р-н, г. Фурманов); диалектное существительное общего рода **кочевряга** (Лухский р-н, д. Слободки; а также новгородские говоры [СРНГ 15: 124]) – **кочевряжиться** ‘упрямиться, ломаться’.

В ивановских и ярославских говорах бытует слово **додоги** ‘заносчивый человек’, представляющее собой семантический дериват, так как в прямом значении служит названием петуха, ср.: *Молодой додоги хорошо поёт* [ЯОС 4: 8]; *До чего гордый, как додоги прямо* (Шуйский р-н, п. Колобово). По-видимому, переносное значение для характеристики лица возникло у слова на основе жизненных наблюдений диалектоносителей за повадками и нравом этой птицы, занимающей особое положение на птичьем дворе.

Презрительная оценка высокомерного человека передается прилагательным **рылястый** (Савинский р-н), мотивированным однокоренным существительным **рыло** в значении ‘гордый и эгоистичный человек’, ср.: *Какой он рыло: прошёл и не поздоровался* [ЯОС 8: 143]. Семантика данных наименований связана с лексемой **рыло** ‘лицо’ с пометой **груб. прост.** [МАС 3: 745] и просторечным выражением **воротить рыло** ‘относиться к кому-, чему-либо с презрением, пренебрежением’ [МАС 1: 213].

В Шуйском, Комсомольском районах по отношению к заносчивой, высокомерной женщине употребляется слово **фараонка**, ср.: «*”Ты, как фараонка”, – говорят в насмешку о человеке, который много знает, говорит заносчиво; Ленятйка хорошая, высокомерная, вся из себя такая, живёт как фараонка* (Шуйск., Комс.)» [Батырева 2009: 127].

О людях, с пренебрежением относящихся к окружающим, говорит русская народная пословица: *Гордому кошка на грудь не вскочит* [Даль Пословицы русского народа 2: 287], вариант которой зафиксирован в ивановских говорах – **кошка на грудь не прыгнет** (Шуйский р-н). Вероятно, семантика данных фразеологических сочетаний имеет отношение к расхожему мнению, что кошки отлично чувствуют плохих людей.

В большинстве случаев трудно определить значение рассмотренных единиц, поскольку они отличаются диффузностью семантики, неоднозначна и экспрессия данных лексем: с одной стороны, осуждение, неодобрение, ироническое отношение, с дру-

гой – положительная оценка, иногда даже восхищение этими качествами человека.

Наблюдения над функционированием лексики в ивановских говорах позволяют убедиться в том, что все рассмотренные нами единицы поля «Отрицательные черты характера человека» являются важнейшим средством образной характеристики личности и эмотивной оценки внутреннего мира человека, при этом отрицательные коннотации слов формируются посредством фокусирования внимания диалектоносителей на социально порицаемых качествах – жадности, легкомысленности, чрезмерной гордости, упрямстве, хитрости, жуликоватости, то есть таких, «которые проявляются исключительно в социуме» [Березович 2007: 98]. Вместе с тем, проведенное исследование показало, что в большинстве своем представленные лексемы содержат общерусские корни и имеют прозрачную словообразовательную и семантическую структуру. Данный факт свидетельствует об общей динамике развития диалектной системы, заключающейся в утрате многих слов, связанных с обозначением реалий старого, фактически уже разрушившегося крестьянского уклада, и выдвигении на первый план лексики разговорно-обиходного характера, имеющей много общего с просторечной и разговорной лексикой литературного языка, но при этом обладающей местной, локальной спецификой.

Библиографический список

1. Батырева, Л. П. Лексика ивановских говоров [Текст]: учебные материалы / Л. П. Батырева. – Шуя: Изд-во ГОУ ВПО «ШГПУ», 2009. – 139 с.
2. Березович, Е. Л. Язык и традиционная культура [Текст]: этнолингвистические исследования / Е. Л. Березович. – М., 2007. – 600 с.
3. Даль, В. И. Пословицы русского народа: в 2-х т. [Текст] / В. И. Даль. – СПб.; М., 1879.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. [Текст] / под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. – СПб., 1903.
5. МАС – Словарь русского языка [Текст] / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. Т. 1–4. – М., 1985–1988.
6. Мокиенко, В. М. В глубь поговорки. Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений [Текст] / В. М. Мокиенко. – СПб.: Азбука-классика, Авалон, 2005. – 256 с.
7. СРНГ – Словарь русских народных говоров. Т. 1–43. – М., Л., СПб., 1965–2010.
8. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. [Текст] / М. Фасмер. – М., 1986–1987.
9. ЯОС – Ярославский областной словарь / под ред. Г. Г. Мельниченко. Т. 1–10. – Ярославль, 1981–1991.